

УДК 94(47)''166/1725'':930.2(049.32)

*М. Ф. Махлай***О ПОДНОСНЫХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ В ЦАРСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ И КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ [РЕЦ. НА: ПОДНОСНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПЕТРА I. ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ / АВТ.-СОСТ. И. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ, М. Ю. ГОРДЕЕВА, А. Р. ДЖИОЕВА, Е. С. ДИЛИГУЛ, В. Г. ПОДКОВЫРОВА, В. С. СТАСЕВИ, И. В. ХМЕЛЕВСКИХ. СПб., 2022. 228 с.]**

В рецензии рассматривается издание, которое стало результатом труда по продолжающемуся восстановлению библиотеки Петра I сотрудниками Библиотеки Академии наук России. В данном случае отдельное внимание было уделено тем экземплярам рукописей, печатных изданий, гравюр и карт в составе библиотеки, которые были поднесены в дар императору и его родственникам и в определенной степени отразили культурную парадигму петровской эпохи.

Ключевые слова: подносные экземпляры, библиотека Петра I, культурная парадигма, петровская эпоха, панегирики, религиозно-житийная литература, рукописи, гравюра.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-656-663

Собрание рукописей, книг и документов из библиотеки Петра I, положенных в основание Библиотеки Академии наук России, уже неоднократно становилось предметом обстоятельных научных изысканий и учета в различных печатных каталогах [1–5]. Разнообразие интересов и деятельный характер Петра I привели к такому богатству его библиотеки, что исследователям пока еще не удалось уделить одинаковое внимание всем её компонентам. Дополнительная сложность работы с библиотекой первого русского императора обуславливается тем, что при передаче её Академии наук, а затем и во время её пребывания в составе БАН, в силу разных причин она оказалась отчасти в разрозненном состоянии. Помимо этого, некоторые книги и документы были попросту утеряны. Восстановлением полного состава библиотеки Петра I и уточнением каталогов в плановом порядке занимаются сотрудники Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук (далее – НИОКР БАН). К 2022 г. ими было подготовлено издание «Подносные экземпляры из библиотеки Петра I. Отражение культурной парадигмы Петровской эпохи». Книга заявлена как труд, соединяющий в себе исследование культурной среды петровской эпохи и каталог подносных изданий Петровской библиотеки. Материал издания структурирован в виде трех разделов: два из них включают в себя научные статьи сотрудников НИОКР БАН, посвященные либо подносным рукописным документам (первый раздел), либо печатным изданиям (второй раздел), а третий раздел представляет собой собственно каталог. Несмотря на весьма скромный тираж, издание отличается высококачественным полиграфическим исполнением. Особого внимания заслуживают сорок семь цифровых фотографий рукописных материалов библиотеки Петра I, воспроизведенных при публикации на мелованной бумаге.

Оригинальность этого коллективного исследования определяется его предметной областью. Пожалуй, впервые в отечественной историографической традиции столь глубокому отдельному анализу была подвергнута совокупность подносных экземпляров из личной библиотеки Петра I, к тому же осуществленному в контексте их взаимосвязи с культурной парадигмой эпохи. По заявлению авторов книга призвана продемонстрировать как смену приоритетов в культуре, политике, религии рубежа веков, так и самой культурной парадигмы [6, с. 8]. В издании представлена наиболее полная библиография каждого памятника, уточнены атрибуция и авторство некоторых из них, часть памятников впервые рассмотрена в качестве подносных экземпляров, описаны тенденции и динамика в развитии русского картографирования в петровскую эпоху. Конечно, и в этой работе встречается то, с чем не всегда можно согласиться. Как, например, с исключением из круга подносных экземпляров «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого только по причине существования отдельного комплексного исследования и научной публикации этой рукописи [6, с. 10]. Но, в целом, как отмечено выше, исследовательская работа сотрудников НИОКР БАН вызывает в равной степени и профес-

сиональное уважение, и профессиональный интерес. Посмотрим же внимательнее на то, что нам предложено авторами книги.

Первый раздел открывает глава, посвященная рукописным панегирикам. Конечно, речь идет не о панегирических проповедях, представленных в русской средневековой литературе, начиная со «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона. В данном случае имеются в виду ренессансно-барочные панегирики в латино-польском варианте, с пышным выражением чувств верноподданных, служившие консолидации и утверждению нового режима, которые появились в России вместе с Симеоном Полоцким во второй половине XVII в. в правление первых царей из рода Романовых. В главе представлены панегирики адресованные Алексею Михайловичу, Федору Алексеевичу, Софье Алексеевне и Петру Алексеевичу. Хронологически последовательное описание памятников позволяет увидеть эволюцию внешних черт и некоторых деталей внутреннего содержания панегириков, связанные с переходным характером эпохи. Но подборка этого комплекса вызывает вопросы, поскольку далеко не все подносные экземпляры связаны с эпохой Петра. Если бы издание не имело в своём названии второй части, акцентирующей внимание потенциального читателя на отражении в памятниках культурной парадигмы именно петровской эпохи, то не возникло бы и вопроса о правомерности включения в общий ряд подносных экземпляров сочинений, подаренных родственникам Петра I до того как эта самая эпоха началась. Традиционно петровскую эпоху связывают не столько с моментом формального вступления малолетнего Петра Алексеевича на престол, а в некоторых случаях даже не с отстранением от власти Софьи Алексеевны и началом осознанного правления Петра I, сколько с началом военных акций царя и проведением им реформ. И такой подход логичен, ибо именно реформы привели к зримым изменениям культурной парадигмы страны. Но даже если трактовать петровскую эпоху максимально широко, начиная ее отсчет не с момента вступления на престол, а с рождения сына Натальи Кирилловны Нарышкиной, то и в этом случае не все памятники вписываются в эпоху. Так, первый панегирик – «Орел Российский» Симеона Полоцкого – был написан и преподнесен другому наследнику – Алексею Михайловичу, ещё в 1667 г., то есть за пять лет до рождения будущего Петра I [6, с. 13–16]. При этом отметим, что статья, посвященная «Орлу Российскому», – одно из самых интересных и информативно насыщенных описаний в рассматриваемой главе, хотя, по понятным причинам, и не содержит размышлений автора статьи о взаимосвязи панегирика с культурной парадигмой петровской эпохи. Нет их и в описании «Приветства» Кариона Истомина, поднесенного Софье Алексеевне летом 1683 г. [6, с. 24–25]. Все наблюдения о выражении культурной парадигмы в «Приветстве» сводятся к указаниям на владение Карионом Истоминым изосиллабизмом и проявление в его творчестве барочного синтеза словесных и графических элементов. Размышления о взаимосвязи творчества Симеона Полоцкого и Кариона Истомина с культурной парадигмой петровских времен были бы уместны и логичны, замени авторы издания петровскую эпоху на эпоху переломную в русской истории, которая охватывает не только рубеж веков, а всю вторую половину XVII в. и первую четверть следующего столетия.

В предисловии издания содержится оговорка, что одним из принципов включения в каталог является принадлежность подносного экземпляра к библиотеке императора. Но и это правило не всегда соблюдается авторами. Так, «Псалтирь рифмотворная», подаренная Софье Алексеевне в 1687 г., была ею передана В. В. Голицыну, позже выкуплена у потомков Голицыных графом Ф.А. Толстым и уже с его собранием попала в Библиотеку Академии наук только в 1854 г. «Псалтирь», таким образом, никогда не входила в библиотеку Петра I. При этом, как и в случае с «Орлом Российским», статья о «Псалтири рифмотворной» содержит важный с научной точки зрения материал: 1) развернутый историографический обзор исследований об авторе музыки к «Псалтири» Василии Титове; 2) корректировка ошибочного мнения Н.Ф. Финдейзена о времени создания нотированного экземпляра памятника [6, с. 28].

В описаниях панегириков авторы придерживаются определенной структуры. Начинается статья, как правило, с описания истории, обстоятельств создания и поднесения памятника, затем указываются сведения об авторе панегирика, анализируется структура, стилистика произведения и следует кодикологическое описание рукописи. Этот порядок не всегда выдерживается авторами, чаще всего по одной из двух причин: либо информация широко известна в научных кругах, либо какую-то ее часть не удалось выявить. Так, в статье о панегириках, поднесенных Петру I, нет сведений об обстоятельствах создания или поднесения панегирика «Похвальное слово Петру I по Азову» [6, с. 33–34]. Вслед за П. Пекарским И. А. Вознесенская приписывает авторство панегирика братьям Лихудам, что

представляет собой лишь догадку, не имеющую на данный момент фактического обоснования. Дальнейшие рассуждения исследователя не придают догадке дополнительной весомости. Могли ли братья Лихуды написать эту анонимную рукопись и затем преподнести ее Петру I в доме Лефорта или патриарха Адриана? Могли. Так же как могли быть в это время в другом месте и создавать совсем другие тексты. А панегирик мог создать и поднести кто-то другой.

В том и состоит отличие ничем не подтвержденной, кроме умозрительных размышлений, догадки от эмпирически обоснованной гипотезы. Догадка допускает то, что в равной степени как могло иметь место, так могло и не случиться. Догадка допустима, но никого ни к чему не обязывает, особенно в науке. Однако удачным примером научной догадки в издании можно назвать аккуратное предположение В. Г. Подковыровой о принадлежности «Молитв о Петре I и о даровании ему побед над врагами» перу Кариона Киевского [6, с. 31]. Версия автора, возможно, найдет дальнейшее подтверждение в случае обращения к математическим методам источниковедческого анализа текста и из догадки превратится в гипотезу. Но в большинстве случаев, увы, догадка только придает некую легковесность рассуждениям. Не раз встречается догадка подобного рода и в рассматриваемом издании. Весьма основательные кодикологические описания рукописей иногда сопровождаются малоубедительной, не отражающей всей сложности эпохи, конкретно-исторической аргументацией или спорными утверждениями. Некоторые из них авторы позаимствовали из трудов именитых ученых. В частности, к таким утверждениям можно отнести встречающуюся в описании плачей царю Федору Алексеевичу сентенцию о том, что мать несовершеннолетнего царя «по традиции» «получала важные функции участия в управлении государством» [6, с. 19]. В качестве «традиционных» регентш читателям предлагается видеть Елену Глинскую, Марию Скуратову-Бельскую, Ксению Шестову и Евдокию Стрешневу. Начнем с того, что статус регента не был приобретен в силу традиции первой из названных цариц – Еленой Глинской. Она, как известно, опираясь не на традицию, а на возможности своего фаворита, по сути, осуществила переворот, а затем и расправилась с членами регентского совета, выбранными Иваном Грозным. Мария Скуратова-Бельская, единственная из перечня, действительно на законных основаниях выполняла «важные функции». Но длилась такая ситуация в течение всего полутора месяцев, что вряд ли позволило сформироваться целой традиции, которая, в отличие от обычая, формируется как минимум десятилетиями, а то и целыми веками. Ксения Шестова, несмотря на то, что пыталась влиять на сына, никаких особых полномочий не имела и важных функций по управлению государством не выполняла. Евдокия же Стрешнева, пережившая своего супруга всего на пять недель, в первые же дни по смерти Михаила Федоровича усилиями Б. И. Морозова была полностью лишена даже шанса стать регентшей при несовершеннолетнем сыне. О какой традиции в таком случае идет речь? Справедливости ради, следует еще раз отметить, что рассуждения о традиционности регентства цариц на Руси принадлежат не авторам рассматриваемого труда. Но читатель, столкнувшись с высокопрофессиональным анализом палеографических, кодикологических и т. п. особенностей рукописей, вправе рассчитывать на подобную скрупулезность и в конкретно-исторических выводах.

В целом, в разделе, посвященном панегирикам, недостает глубины погружения в меняющуюся культурную парадигму эпохи, демонстрации отражения ее сложности, многоплановости, внутренней противоречивости, противостояния культурной традиции. Драматизм и даже трагичность эпохи, породившей новую культурную парадигму, превращение учения в парадигму через активную поддержку власти, мало в чем так отражается как в панегирических подносных памятниках. Здесь авторы коллективного труда абсолютны правы. Почему же так скромно описаны памятники Сильвестра Медведева? В двух подносных рукописях этого талантливого деятеля переломной эпохи наиболее ярко проявилось столкновение новой культурной парадигмы и русской культурной традиции. Тем более, что «Плач-утешение на смерть царя Феодора Алексеевича», как верно подмечено в статье, содержит в себе своего рода политический памфлет с программой развития русского государства с участием просвещенного монарха.

Несколько односторонним представляется и взгляд на «Псалтирь рифмотворную», поднесенную Симеоном Полоцким. Внимание автора статьи к музыкальному оформлению «Псалтири рифмотворной» обусловлено тем, что творчество Василия Титова демонстрирует новации в культуре, связанные с появлением в русской среде профессиональной авторской музыки. Но не менее важно было отметить, что отражение новой культурной парадигмы в творчестве Симеона Полоцкого вызвало сопротивление русской культурной традиции, так как было результатом инокультурного влияния и борьбы с католической традицией. Что привело к запрету использования «Псалтири» в церковном

богослужении, принятом церковным собором 1690 г. Эпоха была переломная, традиции ломались, но их носители и хранители сдавались не сразу даже под давлением особ власть предержащих. К сожалению, при описании панегириков самому Петру I внимания меняющейся культурной парадигме почти не уделяется. И. А. Вознесенская в большей степени пишет об изобразительных особенностях подносных рукописей и политических событиях, вызвавших к жизни сами панегирики: Азовских походах, победе под Нарвой, Прутском походе и Ништадтском мире, второй заграничной поездке Петра I. Удивительно, но именно изменившаяся культурная парадигма оказалась нераскрытой автором описания «Панегирического всеожжения», памятника предположительно написанного вологодским епископом Афанасием и поднесенного императору шестилетним Сербаном Кантемиром. Автор отметила, что панегирик, написанный на трех языках: греческом, русском и латинском, – позже был опубликован только на русском и латинском языках, потому что «латинский язык был более распространенным и доступным для европейского читателя» [6, с. 38]. Обратим внимание и на тот факт, что два указанных языка были доступнее и удобнее и Петру I, и большинству русского окружения Петра, не владевшим греческим языком, в отличие от русского духовенства.

За статьями о панегириках следует часть раздела о рукописях сочинений, выполненных в жанрах религиозно-житийной литературы. С одной стороны, в статьях о подносных экземплярах из этой группы прослеживаются те же черты, которые свойственны и описаниям панегириков. Каждая статья содержит наблюдения кодикологического и источниковедческого, с точки зрения критики внешних особенностей памятника, характера. Указания на качество бумаги, материал переплета, особенности почерка и миниатюр, принципы иллюстрирования, биографические сведения об авторе подносного экземпляра, барочных особенностях текстов приведены в описаниях «Звезды пресветлой», Лицевого житийного сборника, «Службы» и «Жития» преподобного Кирилла Белозерского, канонника и списков двух канонов преподобному Сергию Радонежскому, сочинений Гавриила Домецкого и т. д. В целом выдерживается и общая для всех статей-описаний структура. Рассмотрим ее на примере статьи Е. С. Дилигул о сочинениях Гавриила Домецкого. Начинается статья с биографических сведений об авторе памятников, которые включают и констатацию личных характеристик этого уроженца малороссийских земель, расчетливого и предприимчивого «архимандрита Нового времени», в том числе и столь важных для понимания культурного контекста, как его принадлежность к латинской партии и ориентация на западные образцы. Далее сжато раскрываются основные положения его трех подносных экземпляров, и следует описание внешних особенностей рукописей. Все завершается выводами о значении памятников как исторических источников о взаимоотношениях церкви и государева двора и о личности Гавриила Домецкого. Хотя и реже, но и в этой части встречаются пробелы в раскрытии взаимосвязи памятников с культурной парадигмой эпохи. Мало что об этом можно почерпнуть из описания «Звезды пресветлой», Лицевого житийного сборника или «Лицевого жития преподобного Сергия Радонежского». Есть и единичные исторически слабо аргументированные утверждения. В частности, имеет место довольно спорная характеристика взглядов и убеждений Сильвестра Медведова в статье, посвященной «Акафисту преподобному Сергию Радонежскому» [6, с. 57]. В описаниях подносных памятников религиозно-житийной литературы также проводится корректировка, сделанных ранее другими исследователями, ошибочных выводов. В статье о «Звезде пресветлой» при анализе гравированной заставки Афанасия Трухменского уточнено, что коленопреклоненные фигуры в картуше изображают не преподобных Зосиму и Савватия Соловецких, как предположила И. И. Лебедева, а святителя Иоанна Златоуста и преподобного Иоанна Дамаскина [6, с. 39].

Казалось бы, логичнее предположить более, что в панегирических сочинениях, которые связаны с политическими событиями эпохи Петра I и глубоко не религиозной натурой самого монарха, наиболее явным образом отражена новая культурная парадигма. Однако именно при характеристике комплекса подносных памятников с религиозно-житийной литературой авторы издания раскрыли отражение в них как новой культурной парадигмы, так и ее противостояния с культурной традицией. Общей чертой религиозных подносных памятников называется сохранение в них русской культурной традиции не делать на религиозных текстах письменных посвящений монархам и уж тем более не снабжать их дарственными надписями с указанием имени дарителя. Наблюдения исследователей разнятся по своей глубине, но присутствуют почти в каждом описании.

Так, в обзоре особенностей миниатюр подносного «Лицевого жития преподобного Сергия Радонежского» обращается внимание на «изменения эстетических и стилистических художественных представлений», но не поясняется: каким образом они изменились и как именно изменения проявились

в миниатюрах [6, с. 53]. Констатацией соединения древнерусской книжной культуры и элементов барочного оформления петровского времени ограничивается и автор описания «Службы» и «Жития» Кирилла Белозерского [6, с. 57]. «Лебедь с перием своим» Игнатия Галытовского рассмотрена в ракурсе стандартных замечаний о большом культурном влиянии на русскую среду в петровскую эпоху выпускников Киево-Могилянской академии. Оценка стандартна в том, что выглядит несколько упрощенной. «Новаторы», «прогресс», «барокко», – вот набор эпитетов и терминов, которым характеризуется роль малороссийских «ученых монахов» в стремительно менявшейся российской жизни [6, с. 66–68]. Внесение в традиционную русскую среду некоторыми выучениками Киево-Могилянской академии определенной доли цинизма и разрушительных для русского церковного мира прагматичных взглядов даже не католического, а скорее протестантского толка, остаются пока вне интереса отечественной историографии и исследователей петровской эпохи. С этой точки зрения представляет интерес статья о «Рожнице духовном» Пафнутия Олисова – антипротестантском сочинении, которое отражает борьбу русской культурной традиции и новой культурной парадигмы в русской церкви и церковных настроениях общества [6, с. 68–70]. Самое оригинальное наблюдение в сфере новой культурной парадигмы сделано Е. С. Дилигул при характеристике подносных памятников Гавриила Домецкого. Исследователь неявно, но точно подметила проявившееся в памятнике новое позиционирование индивида в рамках культурной парадигмы петровской эпохи, которое было невозможно в старых культурных традициях. В статье тонко подмечено, что труды архимандрита Гавриила «нескромно» им самим поставлены в один ряд с трудами святых отцов Церкви [6, с. 65]. Позволю себе предположить, что Е. С. Дилигул в определенной степени иронизирует, поскольку в данном случае идет речь не просто о нескромности, а о трудно вообразимой для православного монаха гордыне.

Составители каталога в отдельную группу рукописных подносных памятников выделили исторические, военные и политические трактаты и уставы. Все рукописи были в составе библиотеки Петра I, но, как минимум, две из восьми не относятся к петровской эпохе: «История о царях и великих князьях земли русской» Федора Грибоедова, поднесенная Алексею Михайловичу в 1669 г., и «Послания» Юрия Крижанича, поднесенные Феодору Алексеевичу в 1676 г. [6, с. 73–74]. Одним из самых многообещающих в плане анализа отражения в подносных памятниках культурной парадигмы эпохи является рукопись «О правосудии начальствующих» [6, с. 77–79]. К сожалению, большая часть статьи посвящена либо описанию исторического контекста, либо попытке обоснования принадлежности сочинения перу Якова Марковича. Обоснование, надо сказать, получилось не особенно убедительным. На титульном листе рукописи в качестве автора указан харьковский казак Семен Климов. Но автор описания отмечает, что документальных подтверждений тому, что казак Климов существовал, не находится. А вот Яков Маркович существовал и был любимым племянником вдовы гетмана Ивана Скоропадского. Влияние вдовы, утверждает автор, было так велико, что с ним не могли не считаться «московские власти». Вот он и написал сочинение с призывом помиловать арестованного тестя Павла Полуботка. Может быть, может быть... А может быть и нет. Никаких документальных указаний на связь текста с Яковом Марковичем также не существует, как и нет указаний на существование Семена Климова. Нет сведений о контактах Марковича или его тетушки с «московскими властями» или какими-либо другими властями по поводу поднесения рукописи. Рукопись Петру была прислана теми, кто вел следствие по делу Полуботка. В общем, догадка имеет право на существование, как и все прочее, основанное на косвенных свидетельствах, но не более того. А вот о том, что эта рукопись 1724 г. следует старой культурной и политической традиции подачи челобитных, к сожалению, ничего не написано. Автор описаний основное внимание уделяет биографии авторов подносных памятников и, традиционно, описанию внешних особенностей рукописей. О культурной парадигме эпохи читатель может сделать вывод сам, отметив две указанных исследовательницей детали. Первая деталь опосредованно читается в сообщении о «Слове о Российском царствии» митрополита Игнатия Римского-Корсакова, где автор использует библейские цитаты и образы апостолов Петра и Иоанна, а также оценивает внешнеполитическую ситуацию в контексте концепции, по которой главная задача российских царей – освобождение Восточной церкви [6, с. 74–75]. Второй момент возникает при описании памятника, поднесенного венецианским инженером и математиком Доротео Алимари Петру I, но имеющим все признаки старой культурной традиции, которая отразилась в написании большого монаршего титула. [6, с. 75]. Подобная практика будет быстро утрачена уже в годы правления императора.

В состав библиотеки Петра I входили и различные календари, научные трактаты и учебные пособия. О характере изменения культурной парадигмы в данном случае говорит сам за себя перечень под-

носных памятников, среди которых есть учебные пособия по арифметике и грамматике, механике и «искусству офорта», трактаты о квадратуре круга и описание солнечных часов, различные словари. Выдвинута гипотеза об авторстве подносного описания солнечных часов, которое на основании наблюдений за бумагой и почерком приписывается английскому механику Джону Роули [6, с. 87]. Биографические справки об авторах подносных памятников даны на фоне эпохи. Наиболее интересными, с точки зрения наблюдения за эволюцией культурной парадигмы новой эпохи, представляются наблюдения исследователей в отношении «Малой грамматики» Кариона Киевского [6, с. 83]. Карион Киевский оказался не только знатоком грамматики, но и талантливым педагогом, который умел при составлении учебника учитывать психологию учеников и уделял внимание формированию их мотивации.

Последнюю группу рукописных подносных памятников библиотеки Петра I составили карты, планы и чертежи. Все они были поднесены самому Петру, и, соответственно, все, так или иначе, отображают эволюцию культурной парадигмы петровской эпохи. Все карты связаны с восточным направлением внешней политики Петра: Азовскими и Каспийским походами. Другую сторону формирующейся исторической реальности отражают планы и чертежи, вызванные к жизни интересами Петра к фортификации и гидротехническим сооружениям, к лечению минеральными водами и, как следствие, к минеральным источникам, к созданию отечественной инженерной школы. Впрочем, при характеристике этих своеобразных подносных памятников тоже не всегда находится место выводам о смене приоритетов в культуре, политике, религии рубежа веков, или самой культурной парадигмы. Зато здесь есть возможность для дискуссии, как, например, в вопросах изменения датировки карты Азовского моря, составленной Христианом Ругеллом, с 1696 г. на 1699 г. и гипотезе о составлении части карт Азовского моря в качестве сопроводительного материала к переговорам Емельяна Украинцева с турецкими властями в канун Северной войны [6, с. 91]. Нашлось место и излишне смелым и отчасти априорным утверждениям, таким как, например, следующее: «...даже планы "огородов", т. е. садово-парковых ансамблей, были нужны Петру не для развлечений, а для **комплексного всестороннего освоения европейской культуры русским обществом, дворянством и горожанами**» [6, с. 115]. К таким выводам автор приходит, ссылаясь только на существование одного плана «огорода» Брандта и факта отправки Коробкова для изучения голландской архитектуры в Голландию. Не слишком ли шаткий фундамент для таких масштабных выводов?

И все же достоинств в этой части раздела о рукописях много больше. Несмотря на дискуссионность предложенного варианта датировки карты Азовского моря Христиана Ругелла, его отличает свежая и интересная интерпретация автором статьи самой проблемы. Перспективной и по-своему увлекательной выглядит гипотеза о существовании в коллекции БАН карты Каспийского моря, составленной П. Г. Брюсом. Гипотеза построена на воспоминаниях Брюса и на ещё одном предположении о взаимосвязи карт двух шотландцев, бывших на русской службе, – Питера Генри Брюса и Генри Фарварсона [6, с. 101–102]. Автор статей в этой части А. Р. Джиоева нередко обращает внимание читателя на новые детали и источники информации, такие как, например, пока не переведенные на русский язык воспоминания П. Г. Брюса, которые позволяют восстановить картину самой процедуры поднесения карт и планов царю. Исследователь, с одной стороны, подчеркивает насколько изменилась церемония поднесения, отмечает исчезновение в петровскую эпоху таких признаков подносных памятников как эффектное посвящение и подпись автора. С другой, предлагает новые критерии определения этой специфической группы подносных экземпляров: 1) заинтересованность царя в получении карты/плана, подтверждающаяся общеизвестными фактами и 2) переписка царя о предмете изображения [6, с. 114]. Специфика этой группы рукописных памятников состоит и в том, что они не могли быть изготовлены по собственной воле создателя и без оплаты со стороны царя [6, с. 115]. Подобная деятельность была бы признана попыткой шпионажа и могла закончиться для самовольного инициатора-бессребреника весьма печально. Так что подносные карты, планы, чертежи, в отличие от литературных текстов, всегда делались по прямому распоряжению царя и за плату. А. Р. Джиоева через целостный и вдумчивый анализ картографических памятников в библиотеке Петра I раскрывает не только эволюцию картографического материала в его оформлении и содержании, но и важные изменения в поведении русских офицеров, подтверждающие освоение ими и утверждение новой культурной парадигмы.

Второй раздел издания, посвященный печатным экземплярам, заметно скромнее по своему объему. Здесь, как и в группе с картами и планами, все подносные памятники предназначались Петру I. Русские печатные книги в виде подносных экземпляров Петру в его библиотеке фактически от-

существовали, а потому и внимание им было уделено минимальное. Подносные издания иностранной печати описывают только внешние признаки кодексов и указывают на имена дарителей. Никаких новых выводов о культурном воздействии, отражении элементов новой культурной парадигмы в печатных подносных экземплярах не прослеживается.

Наибольший интерес в разделе представляет материал о гравюрах и открытых листах. Авторы выделяют признаки подносной гравюры. В качестве главного признака подносной гравюры называется материал, на котором гравюра была напечатана: шелк, атлас, тафта [6, с. 119]. В том случае, когда гравюра была напечатана на бумаге, ее подносной характер определить гораздо сложнее. Открытые листы подобного рода (подносные) впервые вводятся в научный оборот. Остальные гравюры известны в научных кругах. Основное внимание в статьях, посвященных как гравюрам, так и открытым листам, уделяется их содержанию, историографии и атрибутивным гипотезам, кратким биографическим справкам о создателях подносных гравюр.

Подытоживая, отметим, что отмеченные шероховатости не умаляют достоинств книги. Вышедшее в свет очень ограниченным тиражом (всего в 300 экземпляров) издание выгодно отличается как качеством содержания научных статей, так и описаний подносных экземпляров в каталоге. Публикация представляет собой образец добротной научной работы и, безусловно, вызовет интерес если не у массового читателя, то у самого широкого круга специалистов: историков, искусствоведов, филологов, культурологов, реставраторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека Петра Великого. Западноевропейские печатные книги: в 2-х т., в 3-х кн. СПб.: БАН, 2016. Т. 1: Западноевропейские печатные книги / сост. И.В. Хмелевских. Кн. 1: с. 1–576; кн. 2: с. 577–981; Т. 2: «Византийская история» / сост. А. Е. Карначев. 138 с.
2. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / сост. И. Н. Лебедева. СПб.: БАН, 2003. 431 с.
3. Библиотека Петра I. Указатель-справочник / сост. Е. И. Боброва. Л.: БАН СССР, 1978. 217 с.
4. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век / авт.: М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва, В. А. Петров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 485 с.
5. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры Собрания Петра I / авт.: М. Н. Мурзанова, В. Ф. Покровская, Е. И. Боброва. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 289 с.
6. Подносные экземпляры из библиотеки Петра I. Отражение культурной парадигмы Петровской эпохи / авт.-сост.: И. А. Вознесенская, М. Ю. Гордеева, А. Р. Джиоева, Е. С. Дилигул, В. Г. Подковырова, В. С. Стасевич, И. В. Хмелевских. СПб.: Коло, 2022. 228 с.

Поступила в редакцию 22.02.2023

Махлай Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: derwin1@rambler.ru

M.F. Makhlay

**ON TRAY COPIES IN THE ROYAL LIBRARY AND CULTURAL PARADIGM OF THE TURNING AGE
[REC. ON: TRAY COPIES FROM THE LIBRARY OF PETER I. REFLECTION OF THE CULTURAL
PARADIGM OF PETER AGE/ auth.-sost. I.A. Voznesenskaya, M.Yu. Gordeeva, A.R. Dzhioeva, E.S. Diligul,
V.G. Podkovyrova, V.S. Stasevi, I.V. Khmelevskikh. SPb., 2022. 228 p.]**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-656-663

The review considers the publication, which was the result of the work on the ongoing restoration of the library of Peter I by the staff of the Library of the Academy of Sciences of Russia. In this case, special attention was paid to those copies of manuscripts, printed publications, engravings and maps in the library, which were presented as a gift to the emperor and his relatives and to a certain extent reflected the cultural paradigm of the Petrine era.

Keywords: tray copies, library of Peter the Great, cultural paradigm, Peter the Great era, panegyrics, religious hagiographic literature, manuscripts, engraving.

REFERENCES

1. Biblioteka Petra Velikogo. Zapadnoevropeyskie pechatnye knigi: v 2-kh t., v 3-kh kn. [Peter the Great Library. The Western European printed books], Saint Petersburg, "BAS" Publ., 2016, vol. 1: The Western European printed books, p. 1, 576 p., p. 2, 981 p., vol. 2: "Byzantine History", 138 p. (In Russian).
2. Biblioteka Petra I. Opisanie rukopisnykh knig [Peter the Great Library. The Description of handwritten books]. Saint Petersburg, "BAS" Publ., 2003, 431 p. (In Russian).
3. Biblioteka Petra I. Ukazatel-spravochnik [Peter the Great Library. Index-reference], Leningrad, "BAS USSR" Publ., 1978. 217 p. (In Russian).
4. Istoricheskii ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk. V. 1. XVIII vek [The Historical essay and review of the funds of the manuscript department of the Library of the Academy of Sciences. V. 1. XVIII century]. Moscow; Leningrad, "BAS USSR" Publ., 1956, 485 p. (In Russian).
5. Istoricheskii ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk. Karty, plany, chertezhi, risunki i gravyury Sobraniya Petra I [The Historical essay and review of the funds of the manuscript department of the Library of the Academy of Sciences. Maps, plans, drawings, drawings and engravings of the Collection of Peter the Great], Moscow; Leningrad, "BAS USSR" Publ., 1967, 289 p. (In Russian).
6. Podnosnye ekzemplary iz biblioteki Petra I. Otrazhenie kulturnoi paradigmy Petrivskoi epokhi [The codes presented to the emperor from the library of Peter I. Reflection of the cultural paradigm of the Petrine era]. Saint Petersburg, "Colo" Publ., 2022, 228 p. (In Russian).

Received 22.02.23

Makhlay M.F., Candidate of History, Associate Professor at Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: derwin1@rambler.ru